

ФРОЛОВО – РОМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В МОЕЙ ЖИЗНИ

Ф.И. Славская

*Запечатлейте беглыми строками
Всё, что не в силах память удержать...
У. Шекспир. Из сонета 77*

На дворе стоял звенящий, цветущий, напоенный свежестью листвы май 1970 года. В Красноярском государственном педагогическом институте шёл процесс распределения без пяти минут специалистов историко-филологического факультета. На стене красовался список территорий с вакансиями. Все почему-то запомнили название села – «Скотопрогонное» какого-то района. Шутили по этому поводу незлобно.

Волнение отсутствовало по причине присутствия, как бы сейчас выразились, высокопатриотического месседжа. куда потребует Родина ехать, туда и направимся – отработать положенные три года.

«Предлагаем Кежемский район, Проспихинская средняя школа... Слышали о таком районе?». – «Смутно представляю, где это...». – «На Ангаре...». Это завораживающее слово «Ангара» было решающим для меня – вспомнились слова известной песни о «звездах», летящих на корму

В библиотеке взяла атлас посмотреть, где же эта Кежма? Ой-ой – железной дороги нет, автобус не ходит, только «самолётом можно долететь», если погода не подведёт... А можно по Енисею до Стрелки на «Заре» – пересадка – теплоход «Товарищ» до Богучан – пересадка – самолётом до Кежмы – пересадка – самолётом или попутным транспортом до Проспихино. Как это романтично... В бумаге с направлением была обозначена дата – явиться на работу 15 августа 1970 года.

Друзья по институту предложили в это лето поработать в пионерском лагере в Якутии, где река Нера впадает в Индигирку. Задержалась там до конца августа.

...В Кежму прилетела после окончания августовской учительской конференции, было это 30 августа. В тесном и пыльном роно неприветливая тётенька, сухо заполнив мою трудовую книжку, сказала, что направляюсь я во Фроловскую восьмилетнюю школу,

что часов будет много, работать и работать... «Мне как попасть в эту школу?». – «Пешком по берегу...». «Шутница», – думаю, выдержала паузу – «Идите в гостиницу, а завтра самолётом. Что, первый раз в наших краях?».

НАД АНГАРОЙ. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ФРОЛОВО

В последний день августа села в маленький самолёт – «кукурузник», в салоне было двенадцать человек, на полу – мешки, коробки, металлические кинобанки, весом, оказывается, семнадцать килограммов каждая, с фильмами для посёлков. Стали подниматься, женщина закричала. «Ой, тошно мне... Поведи ты леший...» Это лопнула банка со сметаной, густая и вязкая жидкость оказалась в хвостовой части самолёта. Думаю, зачем ей сметана, если от вида оной женщину тошнит, наверное, беременная.

Глянула в иллюминатор. Дух захватило от красоты под крылом самолёта. О величавой Ангаре и её берегах ещё не все песни и стихи написаны, сколько раз человек будет взирать на это великолепие природы, столько будет подниматься в душе его не передаваемый словами восторг. Более чем романтично – просто божественно!!!

Пролетели минут десять, идём на снижение, посадка – это Аксёново (Аксёнова, по-местному). Кто-то вышел, но никто не занял пустующие места. Ещё летим минут семь-десять, снижаемся, садимся – Паново (ситуация, аналогичная первой). Я – к пилотам (благо, сижу недалеко от них): «А следующая – Фролово?». – Смеясь, отвечают: «Вот останетесь в салоне одна, тогда и сядем во Фролово». – «Хм...», – но промолчала. Думаю, настоящая романтика... Далее – Усольцево, потом Селенгино... Я сижу одна, на полу один мешок, тощенький – почта для Фролово. Разворот над Ангарой, садимся в чистом поле. Оно отгорожено жердями от деревни, чтобы скот не ходил по нему

В поле одна-единственная фигурка женщины – это работница почты пришла принимать доставленный груз. С ней и пошли к деревне, по пути познакомились. Перелезли через забор из жердей, мои белые туфли на каблуке завязли в грязи. Навстречу бежали человек пять пацанов: «Учительница прилетела! А как Вас зовут? А какие предметы будете вести?». Мои ноги по щиколотку черны, я понимаю и неуместность своего ярко-красного костюмчика и короткой юбки.

А вот навстречу, очень спешно, в резиновых сапогах, с резиновыми сапогами меньшего размера в руках, идёт мужчина невысокого роста, весьма моложавый, ладно сложенный: «С прилётом! Заждались мы Вас. Я – директор школы, быстренько переобувайтесь! Вот чистые портяночки, опирайтесь на меня... Меня зовут Черных Николай Максимович. Сейчас я Вас устрою, у нас хорошо, коллектив молодой...».

В большом дворе, за капитальными двухстворчатыми воротами, стояли два крепких дома. Один из них – интернат для ребят из соседнего села, в другом – жильё для молодых учителей. Дома стояли на высоком берегу Ангары. Через несколько домов – школа.

В доме из пяти комнат на два входа нас проживало пять, молодых и незамужних, учительниц. Немыслимое количество окон, отчего в доме солнце было весь день. Две печки, одна из них русская, топить надо дровами. Вода привозная. Несколько керосиновых ламп, так как электричество подавалось лишь на период перегонки молока на колхозной ферме. Очень романтично.

ШКОЛА

Школа – деревянное одноэтажное, очень добротное здание, рассчитанное, как минимум, человек на двести учеников. Школьное здание стояло в начале села. Весной вокруг школы расцветала белыми цветами черёмуха, во дворе красовались клумбы, стояли лавочки. Здание школы украшали плакаты с призывами к молодому поколению «Учиться, учиться и учиться» с профилем В.И. Ленина.

Учащихся было около сорока, причём половина из них – это дети из соседнего села Селенгино, проживающие в интернате. В школе – идеальная чистота, печки, хорошо истоплённые к началу занятий, создавали уют. Всё аккуратно покрашено, неплохая библиотека. Окна выходят на берег Ангары, за исключением учительской комнаты. Окна последней «смотрели» на лётное поле.

Ученики первого и третьего, второго и четвёртого классов обучались одновременно у одного педагога. Во втором классе обучался один ученик. Был какой-то контрольный срез, работа прислана была из роно, ученик с ней не справился, а нужно написать отчёт с указанием процентов выполнения заданий. А результат – сто процентов невыполнения. Как весь коллектив сопереживал учительнице!!! Но на подлог она не пошла, не подрисовала усреднённый балл.

Занятия начинались в девять часов утра. Была одна большая перемена, продолжалась один час, дети ходили домой обедать. Дисциплина хорошая, никто никогда не опаздывал.

УЧИТЕЛЯ

Конечно, школа – это не стены и клумбы, а люди, в них – душа общеобразовательного учреждения. Какие замечательные у меня оказались коллеги!

Директор школы – Черных Николай Максимович, учитель физики. Как я писала выше, он встретил меня почти у самолёта, с резиновыми сапогами. Ведь знал, что из себя может представлять обувь после вчерашнего дождя у «зелёного» педагога, спрыгнувшего со ступеньки «кукурузника». И он не сразу повёл меня в дом, где мне предстояло жить, а к себе домой. Познакомил с женой – учительницей русского языка. Пока я мыла руки-ноги, его шустренькая сестра (кажется, Юлия) накрывала на стол. Усадили, напоили, накормили и только после этого двинулись к месту назначения.

Он успевал всё – проверить, законопачены ли вовремя окна, есть ли веник для обметания обуви у порога школы, выпила ли малиновый сироп «сопатившая» вчера учительница, посещал уроки, как мог, разбирал, давал методические советы. Иногда покрикивал и сердился, но был отходчив. Радел за школу

Учительница начальных классов – Верхотурова Галина Павловна. Галина Павловна – коренная ангарка-кежмарка, жила рядом со школой в доме-пятистенке. Этот чудесный и непередаваемый говорок, когда ученику требовалось объяснить что-то для него более доступно, то были такие слова: «Ты ково пишешь-то...», «Перестань бегать, как постегонка. .»

Часто приносила на перемене шаньги, вынутые только что из печи, угощала нас, молодых. Естественно, в деревне не было общественной бани. Галина Павловна предложила

пользоваться своей, большой, удобной. Уговор был такой – одну неделю баню топит семья Верхотуровых, другую – мы. Как мне нравилась та суббота, когда нам нужно было приготовить баню, и на Ангару за водой несколько раз сбегаете к проруби, веники надо распарить... после бани – чай с травами и вареньем.

Диденко Надежда Алексеевна – учительница начальных классов. Приехала с подружкой, Элиной Штайнметц, из Средней Азии (Чимкент), так и говорили: «за романтикой». Надежда училась заочно на филологическом факультете Красноярского пединститута. Была очень начитана, неплохо знала не только русскую классику. Много декламировала наизусть стихов. Речь – очень грамотная, её всегда было приятно слушать. От Надежды всегда исходила уверенность, как от человека, который знает, чего она хочет. Не было торопливости, суждения взвешены, мысль ясная. Мне очень импонировали её тонкое чувство юмора, оригинальность мышления. Именно Надежда была инициатором поэтических вечеров, которые мы проводили в сельском клубе, она писала сценарии к различным мероприятиям.

Часто, очень часто, бывало, растопив печки, мы усаживались кружком, не зажигая лампы, и пели песни: «Ты у меня одна, словно в ночи луна...», «Светит незнакомая звезда...», «Лётчик над тайгой точный путь найдёт...». Из неё получился весьма толковый завуч одной из средних школ в Козинске.

Штайнметц (в замужестве Шубина) Элина Викторовна вела уроки немецкого языка и была организатором внеклассной работы. Училась заочно в Иркутском институте иностранных языков. Элина – чистейший холерик, в её голове – «вихрь» идей, внутри – неутомимая энергия, увлекающая других в деятельность. Умела зажигать. Очень эмоциональная, открытая, неугомонная. Могла делать сразу несколько дел. Ей всегда не хватало часов в сутках, вечно в движении, вокруг неё и стар, и млад, – для каждого найдёт и время, и доброе слово. Чистюля, аккуратистка – типичное немецкое качество. Была однажды у неё в гостях в п. Таёжный Кежемского района – какая замечательная хозяйка!!! Ныне Элина живёт в Германии.

Лысова Вера Петровна (в замужестве Гетманова) – учитель математики. Писаная русская красавица, с волнистыми волосами, яркими пухлыми губами, статная. Смешливая, но немного скрытная. Очень хорошо пела. Уживалась со всеми, даже намёка на конфликтность не было. Умела хранить тайны. Одно время проживала в п. Таёжный Кежемского района, а где она сейчас – не знаю.

Козлова Валентина Ивановна (в замужестве Черных) вела уроки химии и биологии. Худенькая, стройненькая, светленькая. Да, не очень многословная, несколько сдержанная, но в споре весьма принципиальная. И к ученикам, и к нам, а, главное, к себе, была требовательной, порой, казалось, излишне. Пунктуальна. С такой только и ходить в разведку. После Фролово жила и работала в школе с. Паново.

Черных Фаина Александровна – учитель русского языка и литературы, жена директора. Как говорится, статус несколько влиял на её отношение с нами, молодыми. Конечно, мы не были так говорливы при ней, не все свои «секретки» выдавали. Но отношения были деловые, корректные, ей удалось сохранить баланс между мужем-директором и остальным коллективом. Сухощавая, с короткой стрижкой, с милой улыбкой, доброжелательная, внимательная. Иногда скажет: «Девчонки, посоветуйте что-нибудь прочитать современное», – хотя мы знаем: семья достаточно выписывала периодической печати,

и толстые журналы не были закрытыми для нас. В учительской часто вели разговоры с Фаиной Александровной про смысл жизни, она по-женски нам давала весьма дельные советы. Где сейчас Фаина Александровна, не знаю.

Карнаухова Полина Павловна – учитель математики. Местная, фроловская. Жила с мужем и свекровью. Обременена бытом. Строгая женщина, требовательная учительница. На посиделки с нами у неё не было времени, всегда торопилась домой, к хозяйству, к плите...

И я, Славская Фаина Ивановна. По специальности учитель истории и обществознания. Во Фролово дополнительно вела уроки географии, уроки немецкого языка в 5 классе, домоводство и физкультуру

Итого, девять педагогов на менее чем сорок учащихся Фроловской восьмилетней школы.

Вот такая романтика.

ЗВЁЗДЫ СОШЛИСЬ ВО ФРОЛОВО

От себя не убежишь, как ни пытайся,

От тюрьмы и от сумы не зарекайся.

Наши встречи и потери не случайны,

Жизнь останется для всех великой тайной.

Валентина Басова

И хотя я прожила во Фролово всего один учебный год, слово «Фролово» звучит своеобразным камертоном в моей душе. Ничего не забывается и спустя почти полвека. Да, Фролово для меня какая-то тайна, мистика. Итак, в хронологическом порядке.

1. В 1970 году в августе меня очень настойчиво приглашали в школу п. Усть-Нера на Индигирке (Оймякон, Якутия). Показали квартиру, отдельную. Сказали, какую я буду получать зарплату с учётом немислимых северно-полярных коэффициентов, рассказали о сногсшибательных льготах... Отказалась, ведь меня ждал Кежемский район. Я ещё не знала, что будет Фролово. Что это было? Тайна.

2. Меня зовут Фаина. Согласитесь – имя редкое. И ребёнком, и школьницей, и студенткой, и в археологических экспедициях, и в каких-либо компаниях, вплоть до сего дня, находясь уже в элегантном возрасте, с именем «Фаина» я всегда была единственной. Кстати, по отцовской линии мои корни польские, сандомирские, что на Львовщине (Западная Украина). А вообще, Славские – из Пшемысля (Краковское воеводство). Герб наш – ШЕЛИГА. И если в Центральной и Восточной Украине говорят: «х(г)арна дивчи(э) на», то на Западе Украины – «ф(а)эйна дивчина». Вот почему я Фаина. Дед настоятельно советовал моему отцу назвать меня таким именем.

Во Фролово, где население было около девяносто человек, нас было ТРИ Фаины. В школе: Фаина Александровна (ФАНСАННА) – жена директора, учитель русского языка; я – Фаина Ивановна (ФАНВАННА) и Фая – медичка (Фаина-фельдшер). Так сошлись звёзды.

3. Приказом краевого отдела народного образования меня распределили в Проспихинскую среднюю школу. Было дано разъяснение, что по закону, в случае непредоставления

полной нагрузки (18 недельных часов) по специальности, я имею право не ехать к месту и вернуться в Красноярск за другим предложением или устраиваться самостоятельно. Во Фроловской школе часов истории было ровно полставки, остальное – предметы, к которым я никаким образом отношения не имела. У меня было полное право из Кежмы улететь в Красноярск. И что меня утром понесло на «кукурузнике» во Фролово? Можно было бы улететь и в Красноярск. Судьба?

Замужество

4. В сентябре 1970 года, как я прилетела в деревню, из Заозёрного на помощь в копке картофеля своей старенькой маме прилетел парень, работавший на Ирша-Бородинском разрезе. Уроженец, естественно, села Фролово. Познакомились...улетел...перелетел жить и работать в Богучаны... В итоге, в 1971 году я перевелась на работу в Богучаны, и Парфёнов Владимир Иванович стал моим мужем. Родилась дочь. 20 сентября 1974 года в возрасте двадцати семи лет Владимир скоропостижно скончался в Богучанской больнице, пробыв в ней около одного часа. Нашей дочери не было трёх лет...

Через несколько лет я повторно вышла замуж. Верхотуров Валентин Афанасьевич был богучанец, преподавал автодело в школе и ПТУ, разведённый. Когда дело дошло до «Давай поженимся», я посмотрела его паспорт и несколько «дыханье перехватило»: место рождения – село Фролово Кежемского района. Правда, его семья выехала из Фролово, когда мальчику было три года. Но сам факт рождения моих мужей в одном селе, на острове...на границе с Иркутской областью... Валентин умер 4 февраля 2003 года в возрасте шестидесяти трёх лет в Богучанской больнице, не приходя в сознание.

Звёзды сошлись? Или звёзды разошлись?

КОЕ-ЧТО О ЖИТЕЛЯХ ФРОЛОВО

Деревенька находилась на острове, располагалась «мысочком» между Ангарой и протокой, разделявшей её от острова, где когда-то была деревня Савино.

Жители чрезвычайно чистоплотные. У домов – порядок, во дворах «даже иголку найдёшь, если потеряешь», стёкла окон чистые, занавески накрахмалены, в домах красивые половики, из «кути», как правило, отдельная дверь на хозяйственный двор.

Основная масса жителей не имели привычки запира́ть дом на замок, просто приткну́т палочку к двери или воткну́т её в накладку Воровства не было.

Нас, молодых учительниц, опекали: предлагали молоко, сметану, творог, рыбу, мясо... за условную плату или просто так. Кино в клубе не начинали крутить, пока мы не придём. Так ещё и интересовались: «А такая-то что? Не придёт?». Мы, как могли, откликались: то поэтический вечер устроим, то вечер русского романса с пластинками и рассказами об исполнителях. Обязательно устроим своими силами небольшой концерт к красным датам календаря.

В деревне была всего одна машина – грузовичок, часто ломающийся, да пара тракторов. Свет от генератора лимитирован, на время перегонки молока на ферме. А если нам нужно отметить день рождения с музыкой (пластинки были), то ставили мотористу бутылочку и договаривались о дополнительном времени.

Ходили с учениками в поле приподнимать колоски после сильного дождя, чтобы их можно было убрать комбайном.

Однажды мальчишки позвали нас посмотреть на савинскую безлюдную деревню. Оттолкнулись шестом, переплыли через протоку и оказались на другом берегу. Многие дома довольно крепкие, стоят забитые, дворы заросли травой. Мальчишки частенько там играли в «войнушку». Однажды в подполье отвалилась часть сгнивших досок и выпал берестяной туесок. В холщовом мешочке, туго перевязанные, находились бумажные купюры. Там были и царские, и «керенские», достоинством даже в миллион, и деньги первых лет Советской власти. С интересом мы рассматривали, все, кто хотел, положил начало своим коллекциям. Сейчас многие купюры из «савинского клада» украшают экспозицию Богучанского краеведческого музея, куда я их передала. Кто был этот человек, который не истратил деньги на себя, на семью, на благотворительность? На что надеялся? Кто-то из мудрых говорил: «Не копи богатства на земле – всё истлеет. Копи богатства души».

А какими ловкими и смыслёнными были деревенские дети! Они и «мордочки» умели поставить. И с лодкой справиться, и рыбу вялить – солить – сушить, и с косой управляться, и дрова кололи... Нам подвезли дрова, мы только вышли их сложить, как набежали подростки, подтянулись мужчины, и вот она – красавица-поленница готова. Как только кто из нас выйдет расколоть чурку, тут же – помощники, мы только успеваем складывать под навесик поленья.

Весной, когда было много проталин на берегу Ангары, солнце начинало играть в лужах, весь остров «атаковывали» утки. Ни до, ни после я не видела такого количества уток... Мальчишки брали сетушки и ловили их. Повар интерната на ночь ставила в печь обработанные тушки, а в обед нас с чувством собственного достоинства приглашали интернатовские к столу, где была приготовлена утятина. Как это можно забыть?!

Самым важным и обязательным блюдом на столе по любому поводу, конечно, была рыба. Все ангарцы об этом знают.

ДИССИДЕНТ? БИЧ? ПРОСТО СЛАБЫЙ ЧЕЛОВЕК?

В крошечной деревне Фролово был дом, где жил один мужчина средних лет. Звали его Витя. Официально числился пастухом колхозного стада, но обязанности не исполнял. А что ходить за коровами – бычками, остров он и есть остров, куда бежать? Вернутся рано или поздно. Сослан был на «трудовое перевоспитание» из первопрестольного города Москвы за тунеядство как человек, позорящий облик столицы. Витя много читал в перерывах между запоями. Грязный, заросший... трясущийся, как-то под вечер забрёл к нам. Попросил занять рубль. У нас топились печь, вскипел чай, угостили, он обмяк... Мы обратили внимание на грамотную речь: «конгломерат», «адаптация», «менталитет»... и т.п.

– Витя, расскажи о себе.

Слово за слово, и человек поведал, что выслан из Москвы в преддверии очередного съезда партии. В прошлом – капитан торгового флота, обошёл все моря и океаны, владеет двумя иностранными языками, была семья, но «зелёный змий» оказался сильнее его...

– Витя, расскажи про Ямайку

– Нальёте рюмочку – я вам не только про Ямайку, но про Буркина-Фасо расскажу, а могу – про Индонезию и Филиппины.

Вот были и такие зимние вечера, когда при свете керосиновой лампы на глуховатом острове посредине Ангары мы расширяли свой кругозор не по официально опубликованным данным. Не было телевизора, связь с Кежмой только по радию, если нелётная погода, то и неделями «кукурузники» не летали.. Витя давал собственные оценки, высказывал суждения, и мы понимали, что он настоящий диссидент

Я из Фролово улетела летом 1971 года. Что стало с Витей, мне неизвестно. Горькая судьба этого человека время от времени всплывает в памяти. Особенно при чтении книг В. Аксёнова. «Ожог», «Одно сплошное Карузо», «Остров Крым».

Бывшие мои коллеги разъехались по разным местам. Сначала связь как-то поддерживали, но со временем «костёр без дровишек» стал угасать. Но в памяти всё-таки теплится уголёк и время от времени греет душу

Никогда не жалеете о том, что случилось.

Иль о том, что случиться не может уже.

Лишь бы озеро вашей души не мутилось

Да надежды, как птицы, парили в душе.

Андрей Дементьев

г. Красноярск, декабрь 2015 г.